

В.М.Чеснов

По следам новгородцев.

В.А.Широкова

Нас предупреждали: «Солидные люди, степени, звания, историки науки экспонаты в Смитсоновском музее в центре Вашингтона или архивы Европейского сообщества в такой милой и живописной Флоренции – вот ваш удел. А там, вдали от мегаполисов, среди туч комаров, мошки, клещей и другой летающей и ползающей нечисти, на тропинках, кишачих гадюками, под дождем и ветром, с ночевкой в палатках кому и что вы хотите доказать?» Наконец, приводился самый весомый аргумент: «Там же нет сотовой связи, вы не подумали о своих родных...».

Наши рубиконы - река Ухтомица - река Елома – озеро Еломское - озеро Воже – река Свидь – озеро Лача – река Онега – еще не были перейдены, но решение было принято окончательное.

Поезд благополучно преодолел за ночь почти 750 км пути и оставил жаждущих «экстремальных» условий работы историков науки и техники на станции Нядома. Железная дорога проходит от Вологды до Архангельска практически по прямой, а Каргополь, выбранный нами в качестве отправной точки нашего путешествия, лежит от нее в стороне. В начале прошлого века в годы строительства железной дороги город не представлял собой сколько ни будь значительного промышленного или торгового центра, и прокладывать к нему ветку, а тем более делать специальный крюк представлялось, очевидно, абсолютно нецелесообразным. 80 километров пути по хорошему асфальтированному шоссе ПАЗик преодолел менее чем за полтора часа и остановился на правом берегу Онеги. Низкие серые облака и отсутствие яркого солнца не только не портили панораму города, но даже подчеркивали величественность колокольни глав соборов на противоположном берегу (рис. 1). Переезд через Онегу по мосту, пять минут петляния по улицам города и бизнес-центр-отель «Каргополочка», радушно распахнув перед нами двери, позволили перевести дух и смыть железнодорожную пыль (рис. 2).

А потом, бегом, бегом по городу, ведь завтра на заре выступаем, а сюда мы еще вернемся. Даже поверхностного взгляда достаточно, чтобы понять, что соборы в городе не просто восхищают, они скорее подавляют своей красотой (рис. 3, 4, 5, 6). «Спокойной ночи!», - юным пионерам на площади (рис. 7) и отправляемся привыкать засыпать в белые ночи. Нас ждет бросок на юг.

Ранним утром после сытнейшего завтрака (кормить в гостинице умеют!) десять отчаянных ученых мужей и две тоже очень умных девушки разместились в двух УАЗах, прозванных в народе «буханками» за характерную форму кузова этих автомобильчиков. Начался путь на юг по трассе, ведущей через Вытегру на Санкт-Петербург. В пределах Архангельской области дорога эта в основном грунтовая с некоторыми проблемными местами, появляющимися при приближении к области Вологодской (рис. 8, 8.1) УАЗы с честью преодолели все лужи, иногда напоминавшие небольшие озера, и через шесть с небольшим часов благополучно доставили нас в деревню Коротецкая (рис. 9) на берегу реки Ухтомицы в трехстах километрах от Каргополя.

С дорогами на Севере России всегда были большие проблемы. Появились они не так давно. Преодолевать же даже большие расстояния позволяла разветвленная водная сеть. Уже в XII - XIII вв. новгородцы широко использовали речной торговый путь из Белого озера в Белое море. Их лодки плыли по реке Ухтоме Белозерской в озеро Волоцкое, откуда волоком перетаскивались на Ухтому Лачинскую. Затем - озеру Воже, реке Свидь и через озеро Лача по Онеге попадали в Поморье. С Русского Севера шел значительный поток товаров: рыбы, соли, железа, пушнины. Онежский путь, кроме того, был почти вдвое короче Двинского, и по мере нарастания торговых отношений с Западной Европой пользовался все большей популярностью.

Коротецкая, как позже оказалось, открыла перед нами основные черты всех мелких поселений района. Полу- или совсем разрушенная (под действием сил природы и естественных процессов гниения и коррозии) церковь, жилые дома в четыре окна, несколько брошенных и разрушенных изб и основной водоворотик жизни возле магазина. Удобный пологий спуск к воде в окрестностях городка привлек не только наших гидов из каргопольского турбюро, но и бывалых рыбаков из Вологды, оснащенных более комфортными средствами передвижения (рис. 10). Еще через час надутые рафты уже принимали на борт нашу ученую братию (рис. 11). Вещи горой громоздились на берегу. Несмотря на обещанное потепление, готовились к худшему: к затяжным дождям и температуре уверенно стремящейся к нулю. Основную часть багажа (т.е. гермомешков) составляли теплые и непромокаемые вещи. (Следуя нашим неоднократным напоминаниям, наш коллега из Великобритании М.Кларк захватил с собой зонт, который и спасал его впоследствии от... яркого солнца.) (рис. 12). Но все десять членов экспедиции вместе с поклажей и нешуточным запасом еды (фрукты, овощи, йогурты, помня о суровых испытаниях челюскинцев - шоколад для поддержания сил и духа) легко разместились на наших плавсредствах. С огромным

трудом дались нам первые пятьдесят метров, пройденные на веслах, и вот уже чуть слышное посапывание подвесных моторчиков Хонда (всего-то 5 л.с. при ничтожном потреблении горючего!) возвестило о начале нашего путешествия. Мимо медленно поплыли берега Ухтомицы, одной из почти 140 тысяч рек и ручьев Северного края России. Более полумиллиона километров водной ленты доступно для изучения, но нами выбраны лишь двести, наиболее нам интересных. Три десятка километров и позади, и мы уже бороздим воды Еломского озера у северной границы Вологодской области. Леса, подступившие к самой воде, скрывают топкие берега и бескрайние болота (рис. 13). Единственное решение - идти вперед к озеру Воже в надежде найти сухое место для ночевки. Помощь пришла, откуда не ждали. Инспекторы рыбоохраны Вологодской области вначале приняли нас за браконьеров. Затем, даже не слегка изумившись, узнав о цели экспедиции, рассказали о неприметной рыбацкой заимке, скрытой за изгибом небольшого притока. А вечером, заехав к нашему костру «на огонек», приготовили ту самую настоящую уху, сдобренную огромным количеством рыбацких и «водных» историй и бак (рис. 14, 15, 16). Утром, предупредив нас в очередной раз о большом количестве клещей и гадюк и посоветовав держаться подальше от зарослей цветущего багульника с его сладко-терпким дурманящим ароматом, инспекторы отправились охранять нерест рыб, а мы направились к озеру Воже.

Водная гладь самого большого водоема этого Северного края вытянута почти на 50 км с севера на юг, а наибольшая его ширина достигает почти 15 километров. Низкие берега озера, поросшие смешанным лесом, сплошь заболочены, а от открытой воды отделены широкой стеной тростника, что сильно затрудняет причаливание и делает практически невозможным подъезд к воде с берега (рис. 17). Ранее озеро называлось Чарондским по селу Чаронда, расположенному на его берегах. Песчаная сухая полоска среди болот от пролива в Еломское озеро до устья Модлоны была заселена уже в V-III тысячелетиях до н.э. Людей привлекало, прежде всего, обилие рыбы. Происхождение названия «Чаронда» связывается с саамским языком – «берег, поросший мхом». Речь здесь, очевидно, идет о моховых зарослях, которые и сейчас можно встретить под сенью леса. Чаронда была некогда административным центром обширной Чарондской округи.

В XVII в. Чарондская округа представляла собой самостоятельную область (более 1700 дворов, около 11 тыс. чел.) с воеводой и приказным аппаратом. В результате реформ губернского переустройства при Екатерине II Чаронда была отнесена к «заштатным» городам и с конца XVIII в. полностью утратила статус города.

При составлении в 1912 г. списков населенных мест Новгородской губернии отмечалось, что в селе Чаронда насчитывалось 73 дворов, в которых проживало 443 человека. В начале 1920-х гг. еще существовало пароходное сообщение с Каргополом, установленное во время гражданской войны для снабжения прифронтовых северных районов во время оккупационного присутствия войск Антанты. В период коллективизации в Чаронде был создан колхоз имени 15-й годовщины Октября, специализировавшийся на ловле рыбы. Занимались колхозники также животноводством, поля засеивались зерновыми культурами.

Сейчас Чаронда представляет собой грустное зрелище. Издалека виден купол Иоанно-Златоустовской каменной церкви, построенной в 1826 году на средства прихожан (рис. 18, 19). По мере приближения показываются крыши изб, кажется, что сейчас развернется панорама неспешной деревенской жизни. Но как только становятся различимыми детали, понимаешь, что от церкви сохранилась лишь центральная часть, а крыши изб зачастую лишь обозначены еще не сгнившими остатками стропил. Поднявшись на высокий берег к трем недавно отстроенным домикам («Москвичи себе дачи строят», - рассказали трое чарондских старожилов) можно без труда определить направление некогда центральной улицы (рис. 20, 21, 21.1): узкая тропка читается среди густой по пояс травы. Можно видеть три уцелевших столба линии энергопередачи. Чуть поодаль в церкви располагался и источник энергии – электрогенератор. От тлена его не уберегли даже лики святых, чудом сохранившиеся на стенах. Жизнь в Чаронде кое-как теплится летом, когда приезжают рыбаки и туристы. Местные надеются, что может быть, кто-то выкупит еще несколько домов, отремонтирует их, и будет хотя бы изредка наезжать сюда. После Чаронды нас ждал короткий переход на остров Спас.

Около 1472 г. на клочке суши почти в центре озера преподобный Мартиниан Белозерский основал Спасский Вожеозерский монастырь. В ту пору западный берег вдавался мысом в направлении острова. До острова можно было проехать на телегах по тянущейся от мыса под водой каменистой косе. Крайне небогатая обитель (в 1744 г. за монастырем числилась всего одна крестьянская душа) была упразднена в 1767 г. За два с половиной столетия все обе церкви (Во имя Нерукотворного Спаса и Святителей апостолов Петра и Павла) и другие постройки, выполненные из дерева, практически полностью исчезли с лица земли. В наследство от монастыря осталось только название острова - Спасский. Западный берег подвержен сильным размывам волнами во время штормов на озере, а весной разрушается льдом. Сейчас остров Спасский находится почти в 7 км от берега, посередине озера. Впрочем, Воже достаточно мелкое озеро.

Средние глубины здесь около 1 метра. Лишь посередине озера проходит подводная ложбина (глубиной около 5 м), начинающаяся подводной частью русла Модлоны на юге и тянущаяся до истока реки Свидь на севере. (Аналогичный рельеф дна присутствует и на озере Лача, что позволяет предположить, что система Воже – Свидь – Лача сформировалась из русла Онеги, разлившейся по низменным берегам.)

Северо-восточная часть острова Спас была выбрана нашими гидами как идеальное место для ночевки. Небольшая песчаная коса (200 м длиной и 30 м шириной), негустые заросли тростника, чистейшая теплая вода в заливчиках-ваннах для купания и легкий постоянно дующий ветерок, сгоняющий прочь все кровососущие эскадрильи (рис. 22, 23, 23.1). Во второй раз за экспедицию палатки были поставлены в рекордно короткое (по сравнению с первым разом) время: к окончанию процесса наши гиды уже отдыхали в своей палатке, приготовив нам на костре горячий ужин, заварив чай и вскипятив воду для мытья посуды. После еды нас ждал красивейший закат и обработка добытых за день исследовательских материалов (рис. 24, 24.1). И это – не пустые слова.

Первые полтора дня пути не принесли исторических открытий (ни в смысле их значимости, ни в контексте истории как науки). В силу малой населенности местности памятников технической и строительной деятельности человека в данном районе просто очень мало, а сохранившихся еще меньше. Как и ожидали, от пристани и других гидротехнических сооружений у Чаронды не сохранилось ничего. Установленный в церкви дизель-генератор, несомненно, будет представлять определенную научно-историческую ценность лет через сто, когда все его клонированные серийные собратья из более густонаселенных мест сгинут в горах металлолома. Но далеко не бездействовала гидрологическая часть экспедиции: комплексные измерения свойств воды проводились постоянно: на всех реках и ручейках (даже еще при «заброске» экспедиции на УАЗиках к месту старта (рис. 25), во всех озерах и болотцах, а также во всех источниках и колодцах (рис. 26). Общий вывод понятный нам, непосвященным в таинства гидрохимии, таков: вода в водоемах чистая и мягкая, а в колодцах и других мелких резервуарах тоже очень чистая, но жесткая. Последнюю пить нужно в меру, разбавляя первой. Таким советом по смешению вод гидрологи обычно вводили в состояние ступора местных жителей, наблюдавших колдовство прекрасных ученых барышень с «бесовскими» приборами возле их колодцев.

В Воже впадает около 20 притоков. Самые значимые из них - Вожега с востока, Елома и Модлона с запада. На севере из озера вытекает река Свидь, соединяющая, «сводящая» его с озером Лача. Отсюда очевидно и происходит название реки. Этот

район издревне входил в состав Каргополья. К истоку Свиди и взяли курс наши рафты. Но видимо не хотело отпускать от себя Озеро ученых мужей, хотело доверить им еще какие-то свои тайны. Тысячи серовато-белесых мотыльков начали медленно и бесшумно окружать наши лодки. Небольшие насекомые (размах крыльев – около 2-х сантиметров) – «липок», как называют его местные жители, и вправду начали целенаправленно занимать все свободные плоскости. Мотыльки не кусали, не пили кровь, а только слегка щекотали кожу, стремясь как можно плотнее усесться на лице и руках. «Неживые» поверхности, неспособные отмахнуться от непрошенных гостей, сразу же обрели сероватую окраску крыльев тысяч маленьких существ. Вскоре осознав тщетность усилий по избавлению от непрошенных попутчиков, мы на всех парах (а это около 10 км/час) устремились в «открытое море», где ветер постепенно очистил нас и наши рафты от крылатых преследователей.

Не успев перевести дух и отдышаться, не боясь захватить ртом горсть летающей братии, мы сразу оказались у заброшенного железнодорожного моста, связывающего берега уже не озера, а реки Свидь.

Мост находится примерно в 70-ти км от станции Ерцево бывшей железной дороги Ерцево – Совза – Южный. Первая «зона» в этих краях появилась в 1937 г. близ Ерцево. А уже в 1938 г. были введены в строй головные участки железнодорожной линии, ведущей на запад. Вдоль нее раскинул свои «учреждения» «Каргопольлаг».

Разборка железной дороги началась в 2003 г.: лес теперь вывозят в основном автотранспортом, «зоны» практически расформированы. Сейчас по насыпи ездят автомобили, несмотря на неудовлетворительное состояние давно неремонтировавшегося моста. Вокруг моста любителями рыбалки построено множество домиков. Обитатели этих домиков поведали нам, далее к Совзе есть ещё один большой мост в аварийном состоянии через реку Чепца. «Здесь самое удобное место для выхода в озеро Воже», - добавили, чуть помедлив, - «и вода здесь и зимой не замерзает». Получив достаточно сопутствующей информации, члены экспедиции бодро приступили к замерам моста и его привязке к карте местности (рис. 27, 27.1, 28). Осмотрев заодно и валявшийся под насыпью старый вагон (судя по всему, он был ровесником мосту) и, попрощавшись с рыбаками, мы заняли места на рафтах.

Теперь прямая как стрела река несет нас среди лесов на болотах. Причалить негде, да и жилья, даже заброшенного, по берегам нет. Встречаются только одинокие избушки рыбаков и охотников, срубленные почти на воде. Вдоль берегов – повсюду видны поваленные деревья. Это поработали бобры (рис. 29, 30). Зверь сильный, врагов в природе у него практически нет, охотники бобра сейчас не промышляют: мех не в

моде, да и секреты его выделки потихоньку забываются. Постепенно течение убыстряется, то там, то тут в воде начинают попадаться большие валуны. Впереди – «пороги». Становятся все более высокими берега, река то и дело петляет, обходя выходы на поверхность твердых пород. Вдоль берегов стали видны луга, пока еще не заросшие лесом, но уже давно необрабатываемые поля. Показались деревенские избы. Впрочем, если внимательно присмотреться, то можно достаточно уверенно определить и место, где дома стояли, а теперь ничего нет. На них указывают небольшие купы деревьев на берегу, достаточно удаленные от леса.

Подняв моторы, мы на веслах пошли порожистые места (не повысившие, однако, категорию сложности нашего маршрута) (рис. 31) и оказались на траверзе деревня Горка бывшего Астафьевского прихода на крутом правом берегу (рис. 32, 33). Этот приход включал в старые добрые времена до пятнадцати деревень (в иные входило до трех десятков). В главном селе была церковь, остальные довольствовались часовнями. Сейчас осталось четыре деревни, где еще можно встретить жителей. Все началось с хрущевского постановления по укрупнению колхозов и совхозов, а заканчивается медленным умиранием сельского хозяйства во времена развивающегося капитализма. В Горке мы и разбили наш третий лагерь: здесь на реке вполне отчетливо просматривались остатки плотины и шлюза (рис. 34, 35, 36). Плотина представляла собой четыре быка, расположенных равномерно по ширине реки. Каждый бык являл собой клетку из бревен лиственницы, размерами около 2 м на 2 м, засыпанную валунами. Между ними устанавливались деревянные щиты, сдерживающие поток воды и поднимающие его примерно на полтора метра, что было достаточно для преодоления порогов небольшими судами. На зиму и на время ледохода щиты демонтировались и на лодках вывозились по специальному каналу и вручную поднимались на искусственный холм на противоположном от Горки берегу. Там щиты ожидали нового рабочего лета. Непосредственно внизу у деревни был устроен небольшой шлюз длиной около 20 м и шириной около 8 м. Ванна шлюза отделена от реки искусственным островком, сооруженным по принципу быков плотины. Две створки передних ворот смыкались под углом, вершиной направленной против течения, чтобы лучше противостоять напору воды. Задние ворота, очевидно, открывались в горизонтальной плоскости – щит просто клали на дно. Основные опорные сооружения – клетки с валунами – частично сохранились. Остальные элементы системы можно представить по аналогии с подобными гидротехническими комплексами, возведенными в середине XIX в. на других северных реках.

Вечер и утро следующего дня ушли на подробный осмотр, описание, измерения и определение точных координат с привязкой к карте местности всех частей плотины и шлюза. Сделали срез лиственных стволов над и под водой с тем, чтобы в Москве же точно датировать возраст деревьев и время последнего ремонта плотины. Чуть выше по течению, на месте первых встретившихся порогов на берегу отчетливо видны следы строительных гидротехнических работ. На берегу сделана полукруглая выемка диаметром до 50 м: готовилось место для нового шлюза. Причем на берегу остались следы от рельс, по которым очевидно передвигался многоковшовый роторный экскаватор. Да и сами валуны на порогах при внимательном рассмотрении кажутся привнесенными сюда из других мест. Новая более мощная плотина должна была вступить в строй в начале XX в., но крутые виражи нашей истории остановили работы **(рис. 38, 39)**.

Свернув лагерь (достопримечательностью этого местечка на высоком ветреном малокомаринном берегу стало кострище, обнесенное глухим забором для защиты от того же ветра), мы двинулись дальше **(рис. 37)**. Через несколько километров наше внимание привлекли странные каменные сооружения на берегу. Камни, казавшиеся с реки российским Стоунхеджем, оказались остатками ворот церковной ограды, воздвигнутой, судя по надписи, в 1866 г. От самих церквей – Никольской XVII в. и Егорьевской XIX в. – едва различимы только остатки фундаментов.

И снова в путь. Обезлюдившие деревеньки из двух-трех домов периодически встречаются по берегам. Вдруг реку преградил натянутый металлический трос с красными флажками. Засияли глаза гидрологов: это трос для измерений расходов, скоростей, температуры и прочих речных величин, и это очень интересно. Интересно и само село Бор, где расположен гидропост.

По берегу стоят ряд добротных двухэтажных (!) домов. У самой воды приютилась стайка банек. Вдалеке на краю села виден величественный силуэт Георгиевской церкви с колокольной - типовая классическая архитектура XIX в. с минимальным декором, изюминкой которой служит замысловатый шпиль колокольни **(рис. 40-44)**. По мере приближения становится видно окружающее церковь кладбище, используемого и поныне. Сам же храм заброшен, часть перекрытий обвалилась, внутри мусор, хлам и помет.

Наличие следующей по правому берегу деревни угадывается по остаткам бань на берегу и силуэтам полуразвалившихся изб. Мальшинское принадлежало ранее Хотеновскому приходу вместе с еще десятком левобережных селений. От культового сооружения при входе в деревню осталась только часть купола со шпилем. Есть в

деревне и свой источник, оформленный местными жителями в виде ствола дерева, из дупла которого бьет фонтанчик чистой воды (рис. 45-47). Деревенские убеждены, что водица эта помогает от всех хворей.

Само же Хотеново достаточно крупное село и сейчас, с почтой, магазинами и проводной телефонной связью. Пристаем к берегу легко: прямо у воды сооружен новый туристический комплекс с гостиницей, баней и другими благами цивилизации. В окрестностях Хотеново бьет сероводородный ключ, вода которого помогает от «ломоты в костях». Рядом, раскинулась Троицкая церковь, одна из самых больших в районе реки (рис. 48-49). Говорят, что шесть шатров церкви в хорошую погоду видно с озера Лача. Храм также как и в Бору заброшен и медленно разрушается. Все осмотрев и подергав запертые двери приюта для туристов (оказывается все надо согласовывать заранее), отправляемся дальше к месту ночевки к местному егерю-леснику. Свернув со Свида в узкую боковую притоку Коржу, мы, осторожно работая веслами, с трудом протащили наши рафты двести метров вверх по речушке. Наши старания были вознаграждены. Небольшого роста улыбающийся человек встретил нас как долгожданных друзей. У него было все. И рыба, и мясо, и рассказы об охоте и рыбалке, и специальная веранда, сооруженная из уцелевшей половины моста через реку Коржу (рис. 50-53). Через полчаса пребывания в этом райском местечке начинаешь себя чувствовать внутри «Особенностей национальной рыбалки» и ловишь себя на том, что все время ищешь сад камней для наблюдения Луны... Вместе с женой егерь в мгновение ока приготовил нам жареную рыбу и уху с обжаренными в масле рыбьими плавательными пузырями. А потом всякие ряпушки, окуньки и прочая и прочая. Завалив за свою жизнь не одну сотню лосей, кабанов и медведей, наш радушный хозяин теперь отдает предпочтение не ружью, а видеокамере. И его истории уже не назовешь байками, это документированное повествование. Но как бы хорошо не было в гостях, надо идти дальше. Утром нам предстоит последний бросок на Север: через озеро Лача в Онегу и в Каргополь.

Двести метров обратно по Корже, тридцать минут по копанке (специально выкопанному еще в позапрошлом веке каналу для спрямления пути) с постоянными измерениями и этого гидротехнического сооружения и наши рафты вырываются на гладь озера Лача. «Вырываются», потому что впереди отчетливо видна гроза, хотя над нами еще светит ласковое утреннее Солнце. Надо спешить, озеро лишь немногим меньше Воже: более тридцати километров длиной с севера на юг и около 14 км шириной. Огромный водный овал, в который несут воды около 20-ти рек и ручьев, а вытекает только Онега. Озеро неглубокое (от полутора до 4,5 м) хорошо прогревается и

можно купаться, пlying рядом с лодкой. Этим мы пользовались, чтобы размять затекавшие за часовое сидение мышцы. Пристать к берегу просто невозможно, так как тростник стоит вдоль берегов плотной стеной шириной более 150 м. Наши суденышки все приближались к грозovому фронту. Стаи чаек стали летать все ниже и ниже. «Между тучами и морем гордо реет»... чайка. Вся ее гордость мигom слетает, когда она замечает кусок хлеба в ваших руках. И кричит, и подлетает близко-близко, и отбивается от нахальных подруг. Корка хлеба в воде, и тут же следует стремительное пикирование, и чайка свечой уходит в предгрозovое небо (рис. 54). Потемнело одномоментно. Очередной разряд молнии, оглушительный удар грома, и стена воды. Вот только тогда мы оценили преимущества рафта с надувным дном, привязанным к надувным бортам. Вся вода, что вливалась в нас, тут же и выливалась. Это вам не иступленно работать черпаком в обычной лодчонке. Все с честью выдержали это испытание. Выход в Онегу пошел безо всяких приключений и семь километров до Каргополя по реке все обменивались впечатлениями от грозы. Вскоре умытый дождем город предстал перед нами во второй раз (рис. 55-56). Берег Онеги в городской черте достаточно пологий и причалили мы прямо посередине набережной, возле памятника Александру Баранову, основателю русских поселений на Аляске, исследователю и первому правителю Русской Америки, уроженцу Каргополя.

Здесь же рядом находится еще один интересный гидрологический объект (рис. 57). По берегам верхнего и среднего течения Онеги выходят на поверхность многочисленные холодные ключи. В самом Каргополе их тоже предостаточно. На берегу из-под земли бьют фонтанчики кристально чистой воды, «искони почитаемой целебной». Вода отводится в специально построенный у воды деревянный павильон, в полу которого устроены длинные проемы. Каргопольцы используют их для полоскания белья, предпочитая этот процесс любым кондиционерам-ополаскивателям и автоматическим стиральным машинам. Еще один городской источник Кишкин ручей впадает в Онегу близ церкви Рождества Богородицы. В этих местах и закончилась первая половина нашей экспедиции. Отдохнем ночь, и снова в путь, в Кенозерский национальный парк.